

Татьяна Михайловна ГОРШКОВА
(Нижний Новгород)

Имя собственное «Иван» как национально-прецедентный феномен

The Proper Name “Ivan” as a National Precedent Phenomenon

The article presents the results of the analysis of the system-structural organization of the precedent name *Ivan* included into the cognitive base of Russian lingvo-cultural community (according to the data of the chain associative experiment). The precedence of anthroponym is caused by its multidimensional connections with phenomena of Russian culture, first of all with works of folklore.

Key words: Russian folk-tale; precedent phenomenon; precedent situation; precedent text; precedent name; ethnic stereotype; associative experiment

Проблема прецедентности является одной из самых актуальных в современной когнитивной лингвистике и лингвокультурологии. Теория прецедентных феноменов ещё недостаточно отработана, но в понимании её исходных положений больших расхождений нет. В большинстве работ воспроизводится определение прецедентного текста и его необходимых и достаточных существенных признаков, данное Ю. Н. Карауловым: «Назовем прецедентными — тексты, (1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [KARAULOV 2010, 216]. Наряду с прецедентными текстами выделяются прецедентная ситуация, прецедентное высказывание и прецедентное имя — «...индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом или с прецедентной

ситуацией. Оно представляет собой сложный знак, при употреблении которого происходит апелляция к набору дифференциальных признаков данного ПИ» [KRASNYCH 2003, 197–198]. Прецедентные феномены локализируются в когнитивной базе (когнитивная база — «определённым образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми обладают все представители того или иного лингво-культурного сообщества...» [GUDKOV 2003, 91–92]) определённого народа или отдельной социальной группы, их освоение может быть даже не ограничено рамками одного этноса. В национальную когнитивную базу входят инварианты прецедентных феноменов в виде совокупности известных всем дифференциальных признаков [KRASNYCH 2003, GUDKOV 2003].

В настоящее время активно ведутся исследования функционирования прецедентных феноменов в разных типах дискурса, но, как представляется, насущной задачей является анализ структуры и содержания таких единиц в национальном когнитивном сознании с применением экспериментальных методик, в частности ассоциативного эксперимента. Успешность коммуникации в первую очередь зависит от одинакового восприятия и понимания её вербальных и невербальных компонентов говорящим и слушающим, а степень такой общности демонстрирует частота одинаковых реакций, полученных в ходе эксперимента.

Предметом нашего исследования стало имя собственное *Иван*, имеющее особую значимость в русской культуре, источником которой являются прежде всего русские народные сказки.

В процессе работы над словарём концептов русской народной сказки [ANISIMOVA, GORŠKOVA, RUČINA, SINELEVA 2011] путём сплошной выборки из текстов были выявлены все мужские и женские антропонимы и определены наиболее частотные из них. Имя *Иван* не только является наиболее употребительным, что очевидно и без специальных исследований, но частота его использования в двенадцать раз превышает все остальные имена собственные (ср.: *Иван (Иванушка)* встречается 2263 раза, второе по частоте имя *Василий* — 187).

В русских народных сказках два доминантных мужских образа — образ *Ивана-дурака* и образ *Ивана-царевича*. Герои конкретных сказок могут носить разные имена: *Иван вдовый сын, Иван девкин сын, Иван кухаркин сын, Иван крестьянский сын, Иван солдатский сын, Иван Царенко, Иван Поваренко, Иван Сученко, Иван Медведко, Иван Несчастный, Иван Бесчастный, Емеля, Заморышек* и т. д.; *Василий-царевич, Дмитрий-царевич, Сила-царевич, Финист ясный сокол* и т. д., но все они восходят к двум указанным образам. Сказка играет исключительную роль в становлении национально маркированной личности, поскольку человек знакомится с народными сказками в глубоком детстве, через сказки он входит в культурное пространство своего народа, усваивает основные черты национального ха-

рактера, психологии, систему аксиологических ориентиров. Основную роль в этом играют образы *Ивана-дурака* и *Ивана-царевича*.

Антропоним *Иван* имеет широкое референтное поле в русской культуре. Это имя входит в бинарные структуры «имя + фамилия», «имя + прозвище», номинирующие исторических личностей, писателей (*Иван Калита*, *Иван Грозный*, *Иван Сусанин*, *Иван Крузенштерн*, *Иван Тургенев*, *Иван Бунин*), героев художественных произведений (*Иван Карамазов*, *Иван Бездомный*), объекты материальной культуры (*Иван Великий*, *Иван-город*) и другие, которые могут включаться как прецедентные в процесс коммуникации.

При употреблении имени собственного может реализоваться объектное значение, когда обозначающее соотносено с определенным денотатом, выделяя его в ряду подобных, или символическое значение. Антропоним *Иван* является именем-символом стереотипа самовосприятия русских и символическим обозначением русского человека в инокультурной среде. Это значение зафиксировано еще в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля: «ИВАН, самое обиходное у нас имя (Иванов, что грибов поганых, переименованное из Иоанна (коих в году 62), по всей азиатской и турецкой границе нашей, от Дуная, Кубани, Урала и до Амура, означает русского.» [DAL' 2000, 228]. В. И. Карасик указывает другой, современный, ареал распространения имени *Иван*: «Актуально значимыми являются типичные антропонимы. Интересно, что в восточных странах любую женщину из России зовут Наташа, а мужчину — Коля [SUPRUN 2000, 54], в то время как гораздо более редкое в современной России имя Иван является опознавательным знаком для русских в западных странах, и это свидетельствует как о ригидности этнических стереотипов, так и об особых правилах создания и сохранения таких стереотипов» [KARASIK 2002, 81]. Необходимо отметить, что если в основе самоидентификации русских лежит образ фольклорного *Ивана-дурака*, то основными характеристическими признаками русского *Ивана* для иностранцев, по крайней мере до недавнего времени, являлись физическая сила, храбрость, отвага, угроза, исходящая от него, что обусловлено поведением русских в ходе военных конфликтов.

Для определения содержания антропонима *Иван* в современной когнитивной базе русских, яркости тех или иных дифференциальных признаков и выявления степени его прецедентности в разных случаях употребления был проведен цепочечный ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие 103 испытуемых разного пола (58 женщин и 45 мужчин), возраста (52 человека в возрасте от 20 до 23 лет; 19 — в возрасте от 25 до 37; 32 — в возрасте от 40 до 59), представители гуманитарных, технических, экономических, естественнонаучных и других специальностей. Информантам предлагалось записать пять-семь первых пришед-

ших в голову реакций, выраженных любой языковой единицей, на слово-стимул *Иван*. Было получено 519 реакций, следовательно, каждый участник эксперимента дал в среднем 5 ответов.

Анализ полученных реакций, их классификация позволяют сделать вывод о том, что концепт *Иван* имеет в национальном сознании богатое содержание и может быть структурирован на основе трех основных показателей: индивидуальный опыт респондентов (16,7 % реакций), специальные знания о самом имени (1,1 % реакций) и компетенция испытуемых в области русского фольклора, традиций, истории, географии, художественной литературы, искусства, современного шоу-бизнеса и т. д. (82,2 % реакций). Именно реакции последнего типа создают прецедентность имени концепта.

Когнитивный слой, отражающий личный опыт информантов, включает номинации лиц, носящих имя *Иван*, их отличительных признаков или ассоциативно связанных с ними предметов (в скобках указано количество реакций): *большой, друг, надёжность, первая любовь* (3), *блондин, высокий, дедушка, курносый, рыжий* (2), *бабушка, баня, безумный, большие руки, водка, высокие скулы, гора, гостеприимность, двоюродный брат, детство, драка, дружба, забота, институт, Ленинград, Макаров, маленький, мужчина, непричёсанный, ноутбук, одноклассник, очки, папа, полнота, правильный, преданный, пьяница, ребёнок, родственник, Ромшин, Сироткин, скрытный, слепой, Солдатов, сосед, сослуживец, способный, староста, стрижка, строитель, упорный, ухажёр, хозяйственный, целеустремлённый, честный* (1).

Можно выделить небольшую группу реакций, которые отражают восприятие испытуемыми самого имени *Иван*: имя (2), еврейское имя, несовременное имя, распространённое, распространённое русское имя, русское народное имя, современное (1).

Основной массив реакций подтверждает статус прецедентности слова-стимула, поскольку актуализирует многоаспектную связь в коллективном сознании имени с фактами русской культуры. Количество полученных реакций свидетельствует о том, что наиболее яркий инвариант восприятия антропонима *Иван* обусловили фольклорные тексты, прежде всего образы *Ивана-дурака* и *Ивана-царевича* во всём многообразии их дифференциальных признаков: *И. дурак* (53), *добрый, дурачок* (6), *кудрявый, простой* (5), *крестьянский сын, хитрый* (3), *болван, ленивый, лентяй, лень, рубаха, смекалистый, смекалка* (2), *вдовый сын, везучий, весёлый, глуповатый, глупый, деревенский валенок, валенки, Ванька, Ваня, добродушный, доверчивость, зевота, Иванушка, Иванушка-дурачок, колпак, красная рубаха, подпоясанная кушаком, лапоть, лопух, младший брат-дурак, недоумок, незлобный, несерьёзность, образ простоватого, дураковатого мужчины, открытость, персонаж практически всех русских народных сказок, простак, простофиля, разбитной, раздолбай, рубаха-косоворотка, рубаха-парень, справедливый, тулуп,*

чурбан, шутки-прибаутки (1); II. царевич (37), богатырь (6), сила (3), воин, добрый молодец, защитник, кафтан, сильный (2), благородство, могучий, статный, удалец, удалец-молодец, храбрость, царский сын (1). С указанными образами русских народных сказок связаны и следующие реакции: брат (7), сын (4), братец, младший, младший сын (2), брат-дурак, молодой, молодой человек, младший брат (1).

Имя *Иван* является символом широкого круга прецедентных ситуаций, отраженных в русских народных сказках, а также фольклорных текстов в целом, которые актуализируются в сознании при восприятии этого имени: *да Марья* (10), *сказка* (8), *печка* (7), *печь* (5), *Конёк-Горбунок*, *Марья*, *серый волк* (4), *стрела*, *щука* (3), *Алёнушка*, *братец*, *волк*, *Змей Горыныч*, *Кощей*, *козлёнок*, *лес*, *лягушка*, *меч* (2), *брат Алёнушки*, *вода живая и мёртвая*, *зима*, *Иван-царевич* и *серый волк*, *испытания*, *кольцо*, *купцы*, *лук*, *лук и стрелы*, *мёртвая вода*, *меч-кладенец*, *мороз*, *на печи*, *на сером волке*, *полцарства*, *по щучьему веленью*, *русская народная сказка*, *сестрица*, *Сивка-Бурка*, *снег*, *топор*, *царевна*, *чисто поле* (1).

В ходе ассоциативного эксперимента получены ответы, актуализирующие другой фольклорный материал — поговорки: *Иван непомнящий*, *не помнящий родства*, *поговорка* (1).

Имя *Иван* осознается как простонародное, что обусловило его связь в когнитивной базе с миром деревни: *деревня* (4), *мужик* (3), *гармошка*, *колхоз*, *плуг* (2), *горшок каши*, *завалинка*, *каравай*, *каша*, *квас*, *крепостные*, *пахарь*, *село*, *сенокос* (1).

Антропоним *Иван* осмысливается в широком контексте русской истории и культуры, национально-культурный слой концепта формируют также ассоциации, обозначающие исторических персоналий и связанные с ними события (*Грозный* (12), *царь* (9), *Сусанин* (2), *Василий III*, *жестокый*, *Иван III*, *история*, *опричнина*, *поляки*, *репрессии* (1)), поэтов (*Твардовский* (1)), героев художественных произведений (*Карамазов* (3)), народные праздники, поверья, обычаи (*Иванов день*, *Купала*, *гулянья*, *папоротник* (1)), географические объекты (*Иваново*, *Израиль* (1)), актуализирующие название кипрея узколистного — *Иван-чай* (*чай* (2), *цветы* (1)). Выделяется группа ответов, ассоциативно связанных с реалиями современной культуры: *кинематограф* (*актёр*, *Васильич*, *кино*, «*После дождичка в четверг*», *фильм*, *художественный фильм* (1)), *шоу-бизнес* (*Ургант* (2), *Иванушки International*, *Дорн* (1)).

Иван осознается как синоним всего русского народа, олицетворяет Россию, что также подтверждается полученными в результате эксперимента результатами: *русский* (9), *Россия* (5), *русскость*, *Русь* (2), *русский Христос*, *столи земли русской* (1), является носителем типичных черт национального характера, ментальности: *авось*, *архетип*, *концепт*, *русская ментальность*, *широта* (1), воспринимается как обобщённая номинация

русского героя-воина: *герой, мужество* (3), *воин, солдат* (2), *война, главный герой Второй мировой войны, отвага, подвиг, смелость, стойкость*.

Таким образом, результаты проведённого ассоциативного эксперимента позволяют сделать вывод о том, что в национально-культурном слое концепта *Иван* наиболее ярко представлены дифференциальные признаки инварианта восприятия прецедентного имени *Иван-дурак* (25 % реакций), прецедентного имени *Иван-царевич* (12 % реакций), прецедентных ситуаций и текстов русских народных сказок (16 % реакций).

Приведём примеры использования анализируемого антропонима как прецедентного в газетных текстах. «В стране так много памятников Ленину, что можно подумать, будто коммунизм всё ещё строится. Дабы уравновесить, поставьте хотя бы один памятник Ивану-Дураку. Предпочтительно в центре столицы. **Чтоб стоял он босой, но весёлый, чтоб шея у него была удобная для сидения на ней, а в глазах сияла мечта: всё в его жизни будет хорошо!** (выделено автором — Т. Г.)» (KOKLJUŠKIN 2013, 5). Аллюзия на образ Ивана-дурака в данном случае акцентирует специфические черты русского национального психотипа: долготерпение, способность адаптироваться к самым тяжелым внешним обстоятельствам, оптимизм, мечтательность. Приведём ещё одну цитату из статьи под заголовком «Исповедь Иванушки-дурачка. Что угрожает России?» из той же газеты: «Отрезанный цензурой от источников информации доверчивый русский Иванушка долго верил, что он «оплот мира», «авангард передового человечества» и луч света для народов Африки, Азии и Латинской Америки. Эта вера рухнула под обломками КПСС и обрывками газеты «Правда». Протрезвевший Иванушка стал вместе с Алёнушкой подводить итоги своего идеологического лидерства. Итоги оказались горькими. Россия и русский Иван потеряли не только веру, но и почти всё, за что сражались в течение двух последних веков: земли, миллионы соотечественников, союзников, статус великой державы.» (KOSTIKOV 2013, 6). Аппелляции к образу *Ивана-дурака*, использование прецедентной обобщающей номинации *Иван*, обращение к существенным чертам национального характера — действенный и частый прием в современной публицистике, поскольку позволяет актуализировать в сознании читателя общий национальный стереотип самовосприятия, пока еще, как показывает проведённый эксперимент, остающийся неизменным, являющийся объединяющим началом для рядовых представителей этнического сообщества. Это особенно важно во время исторических катаклизмов, в современных условиях нашей жизни, на фоне столь быстрых перемен во всех её сферах, резкого материального расслоения, смены нравственных ориентиров и ценностных приоритетов.

Библиография:

- ANISIMOVA, Je. V., GORŠKOVA, T. M., RUČINA, L. I., SINELEVA, A. V. (2011): *Slovar' konceptov russskoj narodnoj skazki. Čast' 1.* Nižnij Novgorod.
- DAL', V. I. (2000): *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka. Sovremennaja versija.* Moskva.
- GUDKOV, D. B. (2003): *Teorija i praktika mežkul'turnoj kommunikacii.* Moskva.
- KARASIK, V. I. (2002): *Jazykovej krug: ličnost', koncepty, diskurs.* Volgograd.
- KARAULOV, Ju. N. (2010): *Russkij jazyk i jazykovaja ličnost'.* Izd. 7-je. Moskva.
- KOKLJUŠKIN, V. (2013): *Zarjažaj! Argumenty i fakty.* 31 ijulja — 6 avgusta. № 31 (1708).
- KOSTIKOV, V. (2013): *Ispoved' Ivanuški-duračka. Čto ugrožajet Rossii? Argumenty i fakty.* 14–20 avgusta. № 33 (1710).
- KRASNYCH, V. V. (2003): «*Svoj*» *sredi «čužich»: mif ili real'nost'?* Moskva.
- SUPRUN, V. I. (2000): *Onomastičeskoje pole russkogo jazyka i jeho chudožestvenno-èstetičeskij potencial.* Volgograd.

Tatyana Mikhaylovna Gorshkova

Department of Teaching Russian Language as a Foreign Language
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod,
Nizhni Novgorod, Russian Federation
e-mail: gorshtat@yandex.ru

